

Лернер Николай Осипович

Няня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Осипович Л.**
Няня / Лернер Николай Осипович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-93279-0

ISBN 978-5-519-93279-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Н. О. ДЕРЖЕР

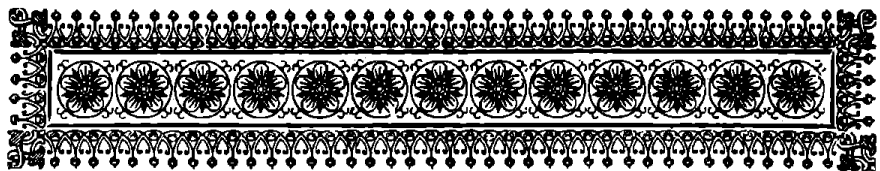
Няня Пушкина

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ“
ЛЕНИНГРАД -- 1924

Ленинградский Гублит № 7692.

Тираж 5.000 экз.

ГОС. УЧЕБНО-ПРАКТ. ШКОЛА-ТИП. ИМ. ТОВ. АЛЕКСЕЕВА. ЛЕНИНГРАД, КРАСНАЯ, 1.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

АК обращался мысленно наш великий поэт к своей няне. Когда он писал эти строки, в которых с такою красотой и нежностью изобразил ожидание и замирающую тоску верного сердца своей „дряхлой голубки“, он был далеко от милой старушки, в столице, где наслаждался всеми радостями жизни и славы после двух лет (1824 —

1826 г.г.), проведенных в родовом имении, селе Михайловском. Не по своей воле пришлось ему прожить эти два года в деревне, и скуку одиночества, подчас тяжело нападавшую на поэта, разгоняла то ласковым словом, то поучительной беседой, а иной раз и добродушным ворчанием старая няня. Кто хоть немного знаком с сочинениями и жизнью Пушкина, тот наверно помнит имя его няни — Арины Родионовны.

Арина Родионовна была крепостная крестьянка бабушки поэта, Марьи Алексеевны Ганибал. Дочь Марьи Алексеевны, Надежда Осиповна, вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина, — это и были родители нашего поэта. Когда у них появился на свет первый ребенок — дочка Ольга, Арина Родионовна, служившая тогда нянькой в семье одного родственника Марьи Алексеевны, перешла в дом Надежды Осиповны и стала нянчить Ольгу. Потом она вынянчила маленького Александра, будущего поэта, потом его младшего брата Льва. Родители ее питомцев очень уважали ее. Еще в год рождения Александра (1799 г.) ее госпожа М. А. Ганибал выдала Арине Родионовне, с двумя сыновьями и двумя дочерьми, „вольную“,

т.-е. такую бумагу, которая освобождала от крепостной зависимости и возвращала свободу. Но няне у Пушкиных жилось так хорошо, она так привыкла к своим хозяевам и к их детям, что не пожелала воспользоваться вольной и осталась навсегда в доме Пушкиных.

Писатель П. В. Анненков, составивший первое жизнеописание Пушкина, застал в живых многих близких поэта, помнивших и его самого и его няню, и собрал кое-какие воспоминания их об Арине Родионовне. Вот что передает он о ней.

„Родионовна принадлежала к благороднейшим лицам русского мира. Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворною строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью, и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам. Это объясняется еще и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен как нельзя короче. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны. Можно сказать с уверенностью, что он обязан своей няне

первым знакомством с источниками народной поэзии и впечатлениями ее, которые, однакож, были заметно ослаблены последующим воспитанием”.

И любил же Пушкин свою няню! Сохранился интересный рассказ его современника, кучера, который служил ему в селе Михайловском.

„Как только Пушкин вставал, бежал к няне и спрашивал:

„ — Здорова ли мама?

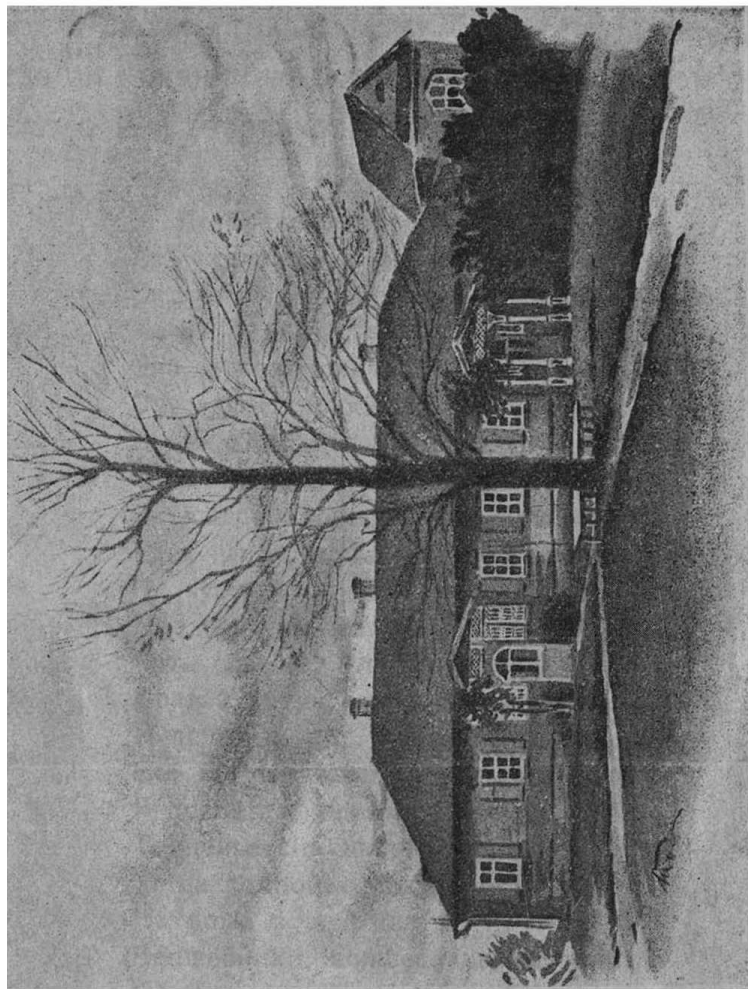
„Он все ее „мамой“ называл. А она ему, бывало, этак нараспев (она была из-за Гатчины, с Суйды, где певком говорят):

„ — Батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?

„ — Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила.

„И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней“.

Правда, Арина Родионовна не была кормилицей Пушкина, — это ошибка рассказчика, — но он верно представил, как относились друг к другу поэт и его няня. Действительно, Арина Родионовна во многом заменяла поэту мать, так как родная мать была к нему довольно холодна.

Дом А. С. Пушкина в с. Михайловском.

Об Арине Родионовне Пушкин не раз упоминает в своих стихах. Ему было лет семнадцать, когда он, оканчивая курс в Царскосельском лицее, писал о ней (в стихотворении „Сон“):

...Детских лет люблю воспоминанье.
 Ах, умолчу ль о мамушке моей,
 О прелести таинственных ночей,
 Когда, в чепце, в старинном одеянье,
 Она, духов молитвой уклоня,
 С усердием перекрестит меня
 И шопотом рассказывать мне станет
 О мертвецах, о подвигах Бовы.
 От ужаса не щелохнусь, бывало:
 Едва дыша, прижмусь под одеяло,
 Не чувствуя ни ног ни головы.
 Под образом простой ночник из глины
 Чуть освещал глубокие морщины,
 Драгой антик, прабабушкин чепец
 И длинный рот, где зуба два стучало,—
 Все в душу страх невольный поселяло;
 Я трепетал, и тихо наконец
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой с лазурной высоты
 На ложе роз крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сон обворажали.
 Терялся я в порыве сладких дум;
 В глуши лесной, средь муромских пустыней.
 Встречал лихих Полканов и Добрыней.—
 И в вымыслах носился юный ум...

Таково было очарование сказок Арины Родионовны! Пушкин снова испытал его через долгие годы, когда зрелым человеком двадцати пяти лет поселился в Михайловском наедине с няней. Слушая ее сказки, он „вознаградил тем недостатки проклятого своего воспитания“, как выразился он в письме к брату. Описывая одному приятелю свою деревенскую жизнь, он рассказывал между прочим: „Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... Она единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно“. В самом деле старая Филиппьевна, няня Татьяны в „Евгении Онегине“ — настоящая Арина Родионовна, с ее сердечной добротою и снисходительным вниманием к молодости. Быть-может, о ней думал Пушкин, когда писал (стихотворение „Разговор Книгопродавца с Поэтом“), как иногда

волновало нежный ум
Старушки чудное преданье.

В Михайловском они снова и еще крепче подружились. Пушкин полюбил свою няню уже не детской, а сознательной любовью взрослого человека и всячески заботился о ней. Как-то ему пришлось прогнать плутовку-экономку, „а то бы